

Мне интересно играть не сюжет, а тему

Полина АГУРЕЕВА,
великолепный кинодебют
которой в фильме Сергея
Урсуляка "Долгое прощание"
увенчался "Никой" за лучшую
женскую роль, в театре —
далеко не дебютантка.
Признания публики, критиков
и фестивальных жюри снискали
все ее роли, сыгранные на сцене
Мастерской Петра Фоменко.
Спектакль "Одна абсолютно
счастливая деревня" с Полиной
в главной роли возобновлен
после полуторагодового
перерыва, связанного с уходом
актрисы в декретный отпуск.

— Полина, кто же в результате
родился?

— Мальчик Петя!

— Назвали в честь Петра Наумовича?

— Есть вещи, которые при озвучании теряют степень искренности...

— Как изменился образ жизни? Приятны ли заботы, связанные с материнством?

— Такие существенные явления, как любовь, рождение ребенка, меняют не только образ жизни, но и тебя как личность. Заботы приятны или неприятны, но они мне необходимы! Иногда это мое состояние мамы переходит в тревожность. Конечно, бессонные ночи. Хотя помогают мама и муж.

— А кто у нас муж?

— Ваня Вырыпаев.

— Вы и Вырыпаев? Воплощение романтической женственности и маргинальный драматург, исполнитель скабрёзных частушек. Вы знаете, что сама фамилия Вырыпаев происходит от слова "разбойник"? Просто барышня и хулиган...

— Это имеет отношение только к сценическому образу. Кстати, я считаю, что Ваня владеет словом, в котором для меня считается не "мат", но боль, нечто настоящее. А в жизни... Во-первых, я — совсем не эфирное создание. Я, например, очень люблю курить. Курю с 15 лет. Когда человек и не пьёт, и не курит — мне он подозрителен. Если мы с Ваней и антиподы, то совсем в обратном смысле: я более цинична, а он, скорее, сентиментален. Я совсем не склонна обнажать свои чувства, способна "обнажаться" только на сцене. А Ваня — клинический экстраверт. Что же касается женственности, то разве это достоинство? Мне бы хотелось, чтобы был смысл. Для меня каждая роль — даже не персонаж, а те важные слова, которые я хочу сказать. И иногда мне это удаётся. А комплименты по поводу женственности даже раздражают — если только это, то у меня возникает ощущение пустоты, бульканье, воронка... Всегда обидно, когда только это!

— Но вы улавливаете какое-то сходство между вами и вашими героинями?

П.Агуреева

— Ни на кого из них я не похожа буквально. В "Счастливой деревне" моя героиня гораздо сильнее меня. Наташа Ростова — слишком яростна, слишком экстраверт, слишком безотлагательна в любви. Пожалуй, в "Белых ночах", где играю чуть-чуть князя Мышкина, это — я, но усугублённая.

— Вы видите себя в какой-то резкой неженственной роли?

— Только о таких ролях и мечтаю! Хочется сыграть, например, Марию Тимофеевну Лебядкину. Мне вообще не хватает хороших и сложных ролей. Я все ещё профессионально чувствую себя "в коротких штанишках". Хочу ролей глубоких, чтобы было что сказать.

— Вы требовательны в профессии?

— В профессии я в тысячу раз принципиальнее, чем в жизни. Даже не из голого принципа, я физически не могу делать фальшивых и профессионально некомпетентных вещей! Не сравниваю себя с Моцартом, но когда узнала, что он падал в обморок от фальшивого звука трубы, меня порадовало, что я — не одна: мне знакомо это ощущение.

— Кстати, ваше дивное пение наводит на мысль о музыкальном образовании.

— Мой неправильно поставленный голос — проблема нашего театра. Уверяю вас, я не хорошо пою, я хорошо вздыхаю, когда пою! Впрочем, петь я начала лет с тринадцати — играла на гитаре и пела песни собственного сочинения, стихи, прямо скажем, не очень получались. В те годы у меня было такое напыщенно-трагическое мироощущение. Стихи, написанные в 13 лет, звучали так: "Истлела вся моя

душа и не воскреснет больше вновь..." Я тогда была такой "барышней, выращенной в тени садовых яблонь"...

— Как же все-таки Ваня Вырыпаев вписался в образ романтического героя такой "барышни"?

— А я всегда мечтала именно о таком человеке. Ваня — мой сложившийся пазл.

— Собираясь в актрисы, вы грезили о славе, была страсть к переодеванию, привлекала возможность пожить чужой жизнью?

— Только желание перевоплощаться. Желания славы как не было, так и нет. Есть шутка по этому поводу: "Почему ты не хочешь популярности? — Потому что хочу остаться в вечности!"

— Выбор театра был осознанный?

— Я абсолютно ничего не знала о Театре Фоменко. Для себя я решила, что поступать буду восемь раз. Начала со Щепки и ВГИКА, потом перешла к "тяжелой артиллерии" — ГИТИСу. Именно там, на прослушивании, увидела впервые Петра Наумовича. И поняла, что учиться хочу только у него. На самом деле я тогда была существом, настолько не имеющим отношения к театру!.. Читала чудовищно: экзальтированно, книжно, со страстями. Сама таких девочек ненавижу. В критический момент Е.Каменкович мне посоветовал даже вернуться в Щепку (куда меня уже приняли), поскольку не был уверен, что к Фоменко меня возьмут, но я порывалась и документы из Щепки забрала.

— Есть ли в Театре Фоменко иерархия поколений, профессио-

нальная опека со стороны старших?

— Иерархия, может быть, для кого-то и существует, но не для меня — не знаю, что это такое: есть работа, взлеты и падения, творческий диалог. У нас ведь по-настоящему старшего поколения в театре нет, кроме Людмилы Арининой, но она — настолько непафосный человек! Она всегда готова помочь советом, совсем не свысока.

— Насколько вы доверяете Петру Наумовичу? Вы боитесь Фоменко?

— Фоменко боялась, когда училась в институте, — боялась даже при нем курить! А потом стала любить и уважать. Нет, конечно, бывает, что категорически с ним не согласна! Чем сложнее роль, тем больше почвы для спора — это как раз и интересно. Обожаю спорить. Сергею Владимировичу Урсуляку, режиссеру "Долгого прощания", памятник надо ставить за то, что он меня выдержал! И вообще дал мне возможность высказываться, хотя мог бы и не дать — я же была совсем новичком в кино. Мне повезло, что именно Урсуляк — интеллигентный, тонкий, остроумный — открыл для меня ужасы кинематографа.

— Наверное, после "Долгого прощания" приглашений в кино было немало?

— Большинство предложений как раз основаны на эксплуатации женственности: читая сценарии, я часто даже представить себе не могу, что мой рот сможет произносить такие слова!

— А в другие театры вас не зовут?

— Пока не звали, но мне хотелось бы подышать другим воздухом. Хотя у кого конкретно я мечтала бы поработать, по правде говоря, и не знаю.

— Полина, вы ведь — не москвичка?

— Родилась рядом с Волгоградом. Люблю степь.

— И наверняка, рыбалку?

— Вот рыбалку ненавижу. В "Варварах" Надежда Монахова говорит: "Человек, который рыбу любит ловить, все равно как мертвый".

— А походы — песни под гитару, учитывая ваше "бардовское" прошлое?

— Терпеть не могу КСП! "Изгуб гитары желтой", считаю, передает фальшивую атмосферу. В бардовской песне есть какой-то чувственный инфантилизм.

— Вы считаете себя взрослой?

— Мне 28 лет, а "стареть" я начала в 25 лет, то есть ощущать, что я не молодая. Шу-чу. Но то, что имел в виду Платонов, когда писал, что "у детей есть физиологическое счастье", я ощущаю все реже и реже.

— В конфликтных ситуациях вы склонны скандалить или подолгу не разговаривать?

— Мне свойственна психологическая инертность: любое переживание я подолгу муссирую. Я мнительна, легко обижаюсь, надолго, подробно и с удовольствием. Но стараюсь контролировать момент, чтобы в это не впадать. Иногда даже человек, на которого я обижаюсь, умудряется доказать, что все это я придумала. Но

давно уже перестала ссориться по мелочам — жалко терять время, которое ты мог бы провести с близким тебе человеком.

— Вы любите театр: как актер, как зритель, как член коллектива?

— Как ни странно, очень люблю театр как явление. А как член коллектива — не люблю. Кажется, Ницше высказался в том смысле, что если сто прекрасных людей соберутся вместе, то они превратятся в сто идиотов. Но в коллективе есть несколько человек, которые мне близки по духу. Чем дальше, тем труднее любить театр. Столько суеты! А в идеале хорошо было бы просто играть роль за ролью. Причем не личная жизнь, а сам театр мешает, его устройство. Я не хочу погрузиться в него настолько, чтобы стать актерским существом, развинченным, кривлякой. Мне неинтересно играть сюжет, интересно — тему. Конечно, вы можете спросить: а смогу ли я? Мне кажется, смогу.

— Вы согласитесь на предложение сыграть роль у Ивана Вырыпаева?

— Я приму предложение супруга. Конечно, если эта роль потребует чего-то такого, чего я сама в себе не знаю. А иначе какой смысл этим заниматься? Честно говоря, я уже приняла такое предложение.

— Какое?

— Ваня пригласил меня на главную роль в свой фильм с рабочим названием "Эйфория". Это будет его режиссерский дебют в кино (как сценарист, он уже написал один киносценарий, к "интеллектуальному" сериалу "Бункер", снятому на ТНТ). Еще в прошлом году мы ездили выбирать натуру в донские степи. Играть будут в основном фоменки.

— А как проявляют себя ваши поклонники (в смысле почитатели таланта)? Есть ли у вас какие-нибудь особо преданные?

— У меня лично никаких особо преданных нет, либо они себя не очень активно проявляют. Я — не тот человек, который может способствовать разведению поклонников: интроверт, сложно схожусь с людьми, с юности была излишне целомудренна.

Расскажу забавную историю институтских времен. Ко мне подошел восторженный юноша, из породы "не совсем жильцов этого мира", восхищался моей игрой, а потом спросил: "А как вас зовут?" Я говорю: "Полина!" А он: "Полина?! А меня всего лишь Юра..." Вот такие проявления я берегу. Они — искренние, дороже букетов, хотя и букеты приятны. Но, вообще, даже у самого плохого актера и у самого плохого театра обязательно где-нибудь найдется поклонник.

— Полина, жизнь удалась?

— Я не считаю себя благополучным человеком. Сама себе я часто ставлю низкие оценки. У такого склонного к самокопанию и рефлексии человека, как я, всегда есть повод для страданий, потому что мир несовершенен.

Беседу вела
Светлана ПОЛЯКОВА
Фото Михаила ГУТЕРМАНА